

Дмитрий МОРОЗОВ

Метаморфозы “громовержца”

Штрихи к портрету
НИКОЛАЯ ПУТИЛИНА*Музыкальный театр
1994 - № 4 - с. 6*

Часто ли об исполнении второстепенной, казалось бы, партии прочитаешь такое: “Царский баритон Николай Путилин превращает партию Федора Поярка в несущую конструкцию”? Это пишет в своей рецензии на премьеру “Китежа” в московской газете “Сегодня” Алексей Парин, обычно не слишком-то щедрый на превосходные эпитеты. Но что правда, то правда: Путилину действительно удалось укрупнить эту партию, поднять ее вровень с главными, как чуть ранее произошло и с его Шакловитым.

Что нужно для того, чтобы стать оперной звездой? Как утверждал маэстро Россини, всего три вещи: голос, голос и еще раз голос. Однако же сколько знаем мы обладателей великолепных голосов, так и не сумевших себя по-настоящему реализовать и быстро сошедших на нет — кто из-за отсутствия настоящей школы, кто из-за обломовского нежелания всерьез работать над собой, неумения взглянуть на себя со стороны...

Всего каких-нибудь пять лет назад подобная участь угрожала и Николаю Путилину, бывшему тогда звездой Казанской оперы. На него ставились спектакли (такие, в частности, как “Риголетто” и “Демон”), на него валом валит публика, он имел массу поклонников и поклонниц. Все, кто слушал его впервые, неизменно восклицали: “Какой роскошный голос!” Однако люди понимающие тут же прибавляли: “но как он с ним обращается!” Путилин в то время немилосердно форсировал звук, отчего страдали и кантилена, и чистота интонации, и музыкальная выразительность исполнения, не говоря уже о барабанных перепонках слушателей. И кто бы решился тогда предсказать столь быструю метаморфозу: из вокального “громовержца” — в подлинного мастера, художника, музыканта, которого мы знаем сегодня...

К счастью, Путилин оказался не из тех, кто “не выдержит критике суровой”. Будучи любимцем публики, он находит в себе силы вновь стать учеником. При этом обнаружилось, что он способен схватывать буквально на лету. У каждого, с кем сводит его судьба, стремится он почерпнуть что-то для себя полезное, — будь то дирижер, концертмейстер или другой, более опытный певец...

Вот только один пример. Два года назад Путилин регулярно консультировался у Ирины Архиповой и, в частности, прошел с ней программу своего сольного концерта в Большом зале Московской Консерватории. И в первом отделении этого концерта мы услышали совершенно нового Путилина — превосходного камерного певца, на редкость тонко и вырази-

тельно исполнившего романсы Чайковского. Разумеется, он пел романсы и прежде, но они мало чем отличались у него от оперных арий. На сей раз было по-иному. Те, кто слушал Путилина впервые, не могли и заподозрить, что перед ними — обладатель голоса феноменальной мощи. Узнали во втором отделении, где он спел арии из опер Верди и Вагнера...

Впрочем, на первых порах об этом мало кто догадывался и в Мариинке, куда он пришел два года назад по приглашению Валерия Гергиева. Казалось, все складывается как нельзя удачнее для певца: в первые же месяцы работы в театре он записывается на компакт-диск партию Томского в “Пиковой даме” (фирма “Филлипс-Классик”), принимает участие в триумфальных гастролях труппы на сцене Метрополитен-опера, поет премьеру “Дон Карлоса” на фестивале в испанском городе Мериде... Но что-то странное начинает происходить с его голосом на самой Мариинской сцене: словно бы он, подобно “шагреневой коже”, сжался, уменьшился в объеме. На самом деле, ничего странного тут не было: происходил вполне естественный процесс адаптации к новым условиям — адаптации психологической и акустической (а, возможно, и климатической). Уже к началу нынешнего сезона голос певца зазвучал с прежней силой и уве-

ренностью, но вместе с тем и обогащенный какими-то дополнительными обертонами.

Многое сделано за эти два года. Очень многое. Один только перечень говорит за себя: помимо исполнявшихся им ранее князя Игоря, Томского и Риголетто, Путилин подготовил и спел на этой сцене следующие партии: Мазепа, Эби-Хакиа в “Иоланте”, Щелкалов и Рангони в “Борисе Годунове”, Шакловитый в “Хованщине”, Веденецкий гость и Старчище в “Садко”, Поярок в “Китеже”, Император в “Соловье”, Рупрехт в “Огненном ангеле”, маркиз ди Поза в “Дон Карлосе”, Брандлер в “Осуждении Фауста”, Фигаро в “Свадьбе Фигаро”. Кстати, несомненный успех этой последней его работы для иных оказался сюрпризом: мало кто верил, что Путилину удастся “укротить” свой могучий голос и овладеть совсем иной манерой пения, какая требуется для опер Моцарта. Удалось. Да так, что постановщики спектакля Тим Колман и Юстус Франц готовы утверждать, что он — едва ли не лучший сегодня Фигаро в мире. Может быть, это и гипербола. Зато неоспоримый факт, что во всем мире можно буквально по пальцам пересчитать столь многоплановых певцов, каким все более являет себя Путилин.

В самом деле, кто еще нынче способен с одинаковой легкостью

(что за ней стоит — вопрос иной) исполнять — и при этом, на высочайшем уровне — в одно и то же время вердиевского Риголетто и моцартовского Фигаро? Вердиевские певцы вообще редко берутся за Моцарта (и — наоборот), точно так же, как обладатели крупных голосов нечасто “снижаются” до камерных программ. Путилин поет все. Последняя же его работа, кроме всего прочего, позволила убедиться в обоснованности давнего моего предположения, что Путилин потенциально — великолепный исполнитель партии дон Жуана. И, вероятно, работа над ней — дело совсем недалекого будущего: Тим Колман, кажется, всерьез загорелся идеей поставить эту оперу с Путилиным в заглавной роли на одной из сцен Великобритании. А другой постановщик “Свадьбы Фигаро”, Юстус Франц, предложил певцу в качестве концертмейстера сделать с ним программу из немецкой камерной вокальной лирики.

Да, Путилину по силам многое. В том числе, насколько можно судить по концертным фрагментам, и Вагнер, работа над которым, положе, ожидает его в новом сезоне: театр намерен обратиться к “Летучему голландцу”. Что ж, как уже бывало не раз за это время, если театру надо — Путилин сделает. И сделает на высоком уровне. Но его истинное предназначение все же не в этом.

А в чем?

Сегодня Путилин, с одной стороны, не знает себе равных в русском оперном репертуаре. Масштаб, густота и тембровая насыщенность голоса вкупе с умением весомо и рельефно подать каждую фразу делают его, пожалуй, идеальным исполнителем таких партий, как князь Игорь, Демон, Грязной, Мазепа, Шакловитый... С другой стороны, мало кто из баритонов способен так петь Верди. Здесь он мог бы смело конкурировать с самыми что ни на есть мировыми светилами, а в партии Риголетто — своей коронной — даже дать им фору. Жаль, что в Мариинском сегодня так мало идет Верди. В ближайшее время, правда, предстоит “Сила судьбы”. А хорошо бы появились и такие редко звучащие у нас оперы, как “Набукко”, “Макбет”, “Фальстаф” (не говоря уже о популярных и шедших сравнительно недавно “Аиде”, “Трубадуре” или давно не появлявшемся на петербургских афишах “Бале-маскараде”), благо, в нынешнем составе труппы есть для них прекрасные исполнители. И один из них — Николай Путилин, кажется, прямо созданный и для Макбета, и для Набукко и в то же самое время — для Фальстафа. Вот уж где в полной мере раскрылось бы и его дарование характерного актера, дававшее о себе знать пока лишь отдельными вкраплениями в ролях драматического плана и — несколько больше — в Фигаро...

Николаю Путилину — сорок лет. Самый расцвет для баритона. Сегодня Путилин — зрелый мастер европейского класса — на пороге блестящей мировой карьеры. Однако сам певец считает, что “петь надо прежде всего здесь, а туда ездить на месяц-другой и возвращаться”. Хотелось бы надеяться, что такая позиция не изменится и тогда, когда приглашения на крупнейшие мировые сцены посыпятся на него, как из рога изобилия. А то, что это уже не за горами, не вызывает сомнений.

На снимках: Н. Путилин в ролях — Демона и Риголетто (вверху), Рангони, Онегина и Мазепы (внизу).

Фото Юлии ЛАРИОНОВОЙ и Михаила МЕДВЕДЕВА.

